
М.А. Фельдман

Третий пятилетний план и проблема территориального размещения промышленности и рабочих СССР к 1941 г.

Кажется, у этой истории не будет конца. В январе 1981 г., будучи аспирантом Уральского университета (г. Свердловск), я приехал в Москву, получив задание от научного руководителя найти такой источник, как «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР». «Диссертация по рабочей истории в период третьей пятилетки не может обойтись без такого источника» — сформулировал свое кредо профессор. В библиотеке им. В.И. Ленина «Третий пятилетний план» искал поначалу сам, затем — с помощью работников справочно-библиографического отдела. Итог был однозначен: такого труда в «Ленинке» нет. Об этом я и сообщил научному руководителю. Шеф ответил, как отрезал: «А ты найди! Без него диссертация не состоится».

В печали я ходил по зимней Москве. И вдруг вспомнил: в семитомном издании «Истории народного хозяйства СССР» была ссылка на искомый источник. В Институте истории экономики, я долго расспрашивал авторов четвертого тома о происхождении ссылки на «Третий пятилетний план». Местный народ отмалчивался или указывал на тех, кто уже покинул, сей мир. Наконец, мне было сказано, что сам искомый источник никто в глаза не видел, а прояснить ситуацию может только пенсионер А.Д. Курский, много лет проработавший зав. отделом Госплана.

Представившись — «Здравствуйте, Вас беспокоит аспирант с Урала» (О, боже!), — я изложил свой вопрос и получил подробный ответ.

В марте 1939 г. делегатам XVIII съезда ВКП (б) была роздана красного цвета книжица в 240 страниц — «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.)», — проект к съезду. В проект пятилетнего плана делегатами, по ритуалу и традиции, были внесены незначительные дополнения, и в сентябре 1939 г. был напечатан сигнальный выпуск. Н.А. Вознесенский позвонил Сталину, — продолжал Курский, — и спросил: что делать дальше? Ответ Сталина заключался в следующем: «Началась мировая война. СССР нуждается в особом плане на 1940 г., где были бы отражены новые задачи оборонной промышленности».

Сигнальный выпуск остался в типографии Госпланиздата. Никто больше по этому вопросу не тревожил Сталина. 16 октября 1941 г., в особый день истории Москвы, связанный с эвакуацией ряда предприятий и учреждений, один из руководителей Госплана обратился к Л.П. Берии: что делать с архивами, литературой, в частности, с сигнальным выпуском пятилетнего плана? Берия, не без крепких выражений, приказал сжечь все. Кто мог не выполнить приказ Берии 16 октября 1941 г.? «А вот “проект к съезду” можно найти в Библиотеке общественных наук или в Библиотеке ЦГАНХА» — за-

кончил свой рассказ А.Д. Курский. Ближе была (в то время) Библиотека общественных наук. Там я и нашел красную заветную книжицу. Защита кандидатской диссертации состоялась.

Прошло почти 20 лет. В 2000 г. я зашел в Библиотеку ЦГАНХА, теперь РГАЭ, и попросил знакомый «проект к съезду». Какая-то сила подтолкнула меня: спросив разрешения, я пошел вслед за работницей библиотеки. Рядом с «проектом к съезду» на полке стояла еще одна книга. К моему изумлению, это был сам первоисточник — «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР». Госпланиздат, 1939. 387 С. Тираж — 160 экземпляров. Как видно, в сравнении с проектом, произошло удвоение страничного текста. Штампов НКВД на нем не было. Значит, кто-то осмелился не выполнить приказ Берии?

Или, может быть, А.Д. Курский запаматовал подлинный ход событий? Но как тогда объяснить следующие странные вещи: отсутствие источника такого уровня в «Ленинке»? Отсутствие ссылок на подлинный источник — «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР» в статьях, монографиях и диссертациях (авторы обычно ссылались на выдержки из постановляющих документов XVIII съезда)? Аспиранты имеют обыкновение читать диссертации предшественников. Моя же кандидатская работа с указанием на «Третий пятилетний план» (проект к съезду) поступила в «Ленинку» в 1982 г. Какая-то мистика. Собственно говоря, перед нами весьма характерный пример отношения руководства СССР к открытым, публикуемым планам при наличии закрытых, тайных планов развития военной промышленности.

Третий пятилетний план намечал сдвиг промышленности на Восток, и, в частности, увеличение доли Урала в союзном промышленном производстве до 9,81% в 1942 г.¹ Поскольку в пятилетних планах увеличение удельного веса восточных районов в общесоюзном промышленном производстве сочеталось с запланированным уменьшением удельного веса центральных областей и Украины, в определенной степени можно говорить о соревновании двух индустриальных регионов. В советской историографии утвердилось представление о свершившемся сдвиге промышленности на Восток к 1941 г. Подобное утверждение отталкивалось от бесспорного факта появления в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии новых индустриальных центров; расширения спектра отраслей промышленности Урала и Поволжья.

Во многом это объясняется засекреченностью данных о территориальном размещении промышленности и рабочих СССР к 1941 г. Не только опубликованные, но и архивные статистические материалы ЦСУ СССР (ф. 1562) и Госплана СССР (ф. 4372), содержащиеся в РГАЭ, столь умело скрывали численность занятых в промышленности страны Советов, что запутывали не только иностранных разведчиков в прошлом, но и современ-

¹ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 37. Д. 940. Л. 28.

ных исследователей. Отталкиваясь от собственного опыта работы в РГАЭ, прежде всего с документами «секретки» — описи 329 фонда 1562, выскажу предположение, что ни один довоенный документ упомянутых архивов не содержит точных сводных сведений о численности рабочих промышленности СССР¹. Великая Отечественная война заставила работников ЦСУ и Госплана, выполняя приказы сверху, осуществить такие расчеты. Только в документах, подготовленных по заказу высших партийных и советских инстанций в 1944–1945 гг., то есть незадолго до Победы, а также после 1945 г., содержались точные данные о территориальном размещении промышленности и рабочих СССР к 1941 г.² Данная статья представляет попытку восполнить существующий в исторической литературе пробел.

* * *

Новый этап индустриализации в СССР в 1920–1930-е гг. позволил создать мощный военно-экономический потенциал, способный к отражению агрессии фашистских государств. Составной частью индустриализации в те годы стало ускоренное развитие промышленности восточных районов. Однако этот процесс наталкивался на незавершенность промышленного переворота в этих районах³, на сложность строительства индустриальных комплексов в отдаленных окраинах. Кроме того, как показывает анализ исторической литературы⁴, переписки ведомств оборонного комплекса⁵, сказывались и такие факторы, как сила инерционных процессов размещения производительных сил; удобство для государственных ведомств наращивания индустриального потенциала в центре страны; обширные возможности лоббирования интересов центральных регионов со стороны массива москвичей, ленинградцев, киевлян, широко представленных в составе аппарата союзного руководства.

Использование до недавнего времени секретных архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот и раскрывающих региональный разрез расположения промышленности и рабочих СССР к 1941 г., приводит к нескольким выводам. Во-первых, к выводу о неравномерном распространении индустрии по территории страны. Об этом говорит, например, сопоставление удельного веса промышленного производства Сибири (4,1%),

¹ Исключением, возможно, являются до сих пор нерасшифрованные дела.

² См., напр.: РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д. 811. Д. 813. Д. 4575. Д. 4579.

³ Здесь, на наш взгляд, корректнее было бы говорить о недостатках процесса модернизации промышленности этих районов страны (*Прим. ред.*).

⁴ См., напр.: Щерба А.Н. Военная промышленность Ленинграда в 1920–1930е гг. СПб, 1999. С. 118–119. Автор отмечает, что политический вес и авторитет руководства города в стране (речь идет, прежде всего, о А.А. Жданове) позволял ему активно влиять на характер и темпы развития военной промышленности. В Ленинграде был создан специальный административный аппарат управления военно-промышленным комплексом, не имеющий подобных аналогов в стране.

⁵ См., напр.: РГАЭ. Ф. 7515 (Фонд Наркомата оборонной промышленности). Оп. 1. Д. 352. Д. 428.

Средней Азии и Казахстана (3,4%), Дальнего Востока (1,5%), и одного города — Ленинграда (10,2%)¹. Во-вторых, представляется возможным высказать суждение о масштабах сдвига промышленности на Восток в 1937-1940 гг. Такой сдвиг прослеживается за указанный период на Урале, где в 1937–1940 гг. отмечен рост с 6,2 до 6,8% общесоюзного промышленного производства; на Дальнем Востоке (рост с 1,1 до 1,5%). Вместе с тем произошло, пусть и незначительное, сокращение удельного веса Сибири (с 4,2 до 4,1%), Закавказья (с 3,8 до 3,4%), Средней Азии и Казахстана (с 3,5 до 3,4%), Поволжья (с 2,9 до 2,8%).

В целом, на восточные районы СССР (включая Закавказье) приходилось 21,7% общесоюзного промышленного производства в 1937 г. и 22% в 1940 г.² Для сравнения отметим, что незадолго до Первой мировой войны (в 1912 г.) на долю восточных районов приходилось 20,9% промышленного производства³. К началу Первой мировой войны на Урале производилось 15% всей военной продукции России⁴, тогда как на долю Петрограда и его пригородов приходилось 60%. Более того, в 1916 г. доля петроградской промышленности увеличилась до 70% от всей выпускаемой в России военной продукции⁵. Приведенный факт имеет важное историческое значение: во-первых, это свидетельство группового эгоизма питерских финансово-промышленных олигархов, в ущерб интересам страны; во-вторых, показатель незавершенности промышленного переворота в масштабах России⁶.

К 1940 г. удельный вес Урала в общесоюзном военном производстве составил 12,4%⁷. Сдвиг промышленности на Восток к 1941 г. просматривается, но, если под ним понимать изменение удельного веса восточных районов, в силу вышеназванных причин, он не носил фундаментального характера. Следует учитывать, однако, тот факт, что в восточных районах к 1941 г. было построено значительное число крупных оборонных комплексов (например, авиазаводы Поволжья), наладивших масштабный выпуск продукции уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. Следовательно, о сдвиге промышленности на Восток возможно говорить в большей степени применительно к предприятиям оборонного значения.

Во-вторых, следует учитывать значительную роль восточных районов в горнодобывающем и металлургическом комплексе, энергетике. Например,

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 132.

² Там же.

³ Подсчитано по: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в). М., 1994. С. 280.

⁴ Жук А.В. Военное производство на Урале в годы Первой мировой войны / Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 171.

⁵ Лейберов И.П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и февральской революции. М., 1979. С. 13.

⁶ См. сноску 3 на с. 182.

⁷ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 2, 133.

в 1940 г. в восточных районах добывалось 35,7% угля, производилось 25,7% электроэнергии, 36,9% стали. В-третьих, интересен и важен территориальный разрез размещения советского рабочего класса. В 1940 г. 38,7% промышленных рабочих СССР проживали в четырех основных индустриальных центрах: Москве, Ленинграде, Украине и Урале, где производилась половина промышленной продукции страны¹. Наши подсчеты показывают, что выработка промышленной продукции рабочим Урала составляла в среднем 83% от аналогичного общесоюзного показателя, на Украине — 97%, тогда как в Ленинграде 188%, а в Москве 223%. Столь разительные региональные отличия (даже среди ведущих индустриальных центров) во многом объяснялись концентрацией в Московской и Ленинградской областях до половины предприятий союзной военной промышленности (!), обладавшей передовыми технологиями².

Степень милитаризации промышленности столиц не имела равных среди регионов СССР. Например, на Урале предприятия оборонного комплекса, произвели 36% промышленного производства уральского региона. Степень милитаризации промышленности Урала почти в 2 раза превосходила общесоюзный показатель³. Между тем, в Ленинграде в 1940 г. предприятия оборонного комплекса, произвели 75% промышленного производства «северной столицы»⁴, т. е. более чем в четыре раза выше общесоюзного показателя (18,7%). Естественно, концентрация военных заводов в столицах обусловила и повышенные требования к подготовке рабочих и инженерных кадров. В восточных районах СССР было сосредоточено 29,3% рабочих и служащих СССР⁵, что значительно превышало удельный вес восточных районов в общесоюзном промышленном производстве (21,7%) в 1940 г., но в этот массив трудящихся входили миллионы заключенных и спецпереселенцев.

Эвакуация, по сути, всей военной промышленности западных районов позволила изменить качественный состав трудовых ресурсов восточных районах СССР, создать тот сплав опытных и необученных кадров, который смог выстоять и победить в великой войне. Исторические уроки из непоследовательности и незавершенности политики, нацеленной на сдвиг промышленности на Восток, были сделаны советским правительством после Второй мировой войны, когда практически все эвакуированные оборонные производства остались в восточных районах СССР, что дало мощный импульс более равномерному экономическому развитию всех регионов советской державы.

¹ Подсчитано по: Там же. Д. 811. Л. 9–12; Д. 813. Л. 132.

² Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 е гг. М., 1996. С. 98.

³ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 9–12; Д. 813. Л. 2, 131, 133.

⁴ См.: Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады // Отечественная история, 2003. № 4. С. 40.

⁵ История советского рабочего класса. В 6 томах. М., 1984. Т. 3. С. 109.